

К ВОПРОСУ О ПРЕДЫСТОРИИ ГАННИБАЛОВОЙ ВОЙНЫ

При рассмотрении предыстории Второй Пунической (Ганнибаловой) войны обращает на себя внимание та пассивность, которую проявили римляне в период осады Ганнибалом иберийского города Сагунта. Завершившаяся разгромом Сагунта осада длилась восемь месяцев¹ без какого-либо активного противодействия со стороны римлян, хотя сагунтинцы уже были к тому времени союзниками Рима и могли рассчитывать на его заступничество².

Такая индифферентность Рима по отношению к союзнику истолковывалась различно — как в сохранившихся источниках, так и в работах современных исследователей³. Полибий сообщает, что римляне по просьбам сагунтинцев отправили посольство к Ганнибалу еще до осады, зимой 220 г.⁴, что уже тогда римлянам стала ясна неизбежность войны с Карфагеном (Polyb. 3.15.12) и они намеревались вести ее в Иберии, используя при этом Сагунт как оперативную базу (Polyb. 3.15.13.), но предварительно собирались обезопасить себя с Востока, так как в Иллирии против них поднялся македонский союзник Деметрий Фаросский (Polyb. 3.16.3—7). Тем временем Ганнибал разгромил Сагунт и по получении известия об этом римляне спешно отправили в Карфаген посольство, которое должно было объявить войну, если карфагенские власти не дезавуируют действия Ганнибала (Polyb. 3.20. 6—8; 33. 2—4).

В этих сообщениях Полибия остается необъясненным, почему легко победившие Деметрия римские легионы⁵, еще летом 219 г. вернувшиеся в Италию⁶, не пришли на помощь сагунтинцам.

Согласно Ливию, сагунтинцы в страхе перед Ганнибалом отправили своих представителей в Рим еще до осады города (Liv. 21.6.2), и в Риме было решено отправить к Ганнибалу послов с предложением воздерживаться от нападения на союзный Риму город (Liv. 21.6.3). Когда же внезапно прибыло известие о начавшейся сагунтинской осаде, послы к Ганнибалу (еще не покинувшие Рим) получили дополнительные полномочия — в случае неуступчивости Ганнибала требовать выдачи его у карфагенского правительства, но Ганнибал не принял римских послов (Liv. 21.9.3), а в Карфагене

¹ Polyb. 3.17.9; Liv. 21.15.3; Zon. 8.21 Началась осада в конце весны первого года 140-й Олимпиады (Polyb. 3.16.7: ὑπὸ τὴν φραίαν; 3.17.1.; 4.37. 2—4), т.е., вероятно, в мае 219 г., закончилась в середине зимы 219 / 218 г.

² Polyb. 3.15.5; 15.8; 21.4; 29.4 — 10; Liv. 21.6.4; 10.6; 19.4.

³ Например: занятостью римлян военными операциями в Иллирии (Meltzer O. Geschichte der Karthager. II. B., 1896. S. 442—444), расхождением мнений в римском сенате о надлежащих мерах (Otto W. Die Vorgeschichte des Zweiten Punischen Krieges // Historische Zeitschrift. 1932. Bd 145. Ht 3. S. 513; Astin A.E. Saguntum and the Origins of the Second Punic War // Latomus. 1967. 26. № 3. P. 580, 589, 596, ; Walbank F.W. A historical Commentary on Polybius I. Oxf., 1957. P. 334), незаинтересованностью римлян в Иберии (Errington R.M. Rome and the Spain before the Second Punic War // Latomus. 1970. 29. N 1. P. 46), беспокойной обстановкой в Цизальпинской Галлии (Faber G. Auf Spuren von Hannibals. München, 1983. S. 76), стремлением сената поставить комиции перед свершившимся фактом падения Сагунта (Hampl F. Zur Vorgeschichte des Ersten und Zweiten Punischen Krieges // ANRW. Bd I.B. — N.Y., 1972. S. 433).

⁴ Polyb. 3.15.2—7.

⁵ О быстроте римских операций в Иллирии можно судить по сообщениям самого Полибия: Дималл (Διμάλη, Dimallum — в районе совр. г. Дуррес, Албания) был взят на седьмой день по прибытии легионов и после этого другие города стали сдаваться римлянам (Polyb. 3.18.5—6); Фарос (Pharos — совр. остров Хвар, Далмация) пал после первого же приступа (Polyb. 3.18.7—12; 19), и Деметрий бежал в Македонию (Polyb. 3.19.8). Та была занята Союзнической войной в Греции (с 220 г. — Polyb. 4.13.6—7) и не поддержала его.

⁶ Polyb. 3.19.12; 4.66.8. См. также Auct. Vir. III. 50; Suet. Tib. 3.2.

им было заявлено, что война начата не Ганнибалом, а сагунтинцами (Liv. 21.11.2). Далее Ливий указывает, что почти одновременно с возвращением послов из Карфагена в Риме было получено известие о падении Сагунта (Liv. 21.16.1) и принято решение об объявлении войны карфагенскому правительству, если оно откажется дезавуировать действия Ганнибала (Liv. 21.18.1—2). Таким образом, у Ливия просрочка римской помощи сагунтинцам как бы объясняется задержкой римского посольства: до его возвращения было решено ничего не предпринимать (Liv. 21.6.8), возвратилось же оно в Рим слишком поздно (Liv. 21.16.1).

Однако и вне связи с вопросом о точности хронологии Ливия⁷ очень сомнительно, чтобы отлучка римских послов тянулась почти столько же времени, сколько и сама сагунтинская осада: ведь известия об осаде Сагунта прибыло в Рим, вероятно, в мае - июне 219 г.; назначенное к Ганнибалу посольство отбыло, по-видимому, тогда же или несколькими сутками позже, так как спор в Сенате о предполагаемом театре военных действий, непосредственно предшествовавший отправке этого посольства (Liv. 21.6.7), нигде у Ливия не назван продолжительным; не упоминает Ливий и о каких-либо задержках в пути (непогода и т.п.); послы не затратили времени ни на переговоры с Ганнибалом (так как он их не принял), ни на дискуссии в Карфагене о действиях Ганнибала, ибо за него стояли почти все в Карфагене (Liv. 21.11.1). Что же касается быстроты античных кораблей, то при благоприятных условиях (для Западного Средиземноморья — лето) она составляла 700 стадий (129 км) днем и 600 стадий (111 км) ночью (Herod. 4.86.1), т.е. 240 км за сутки. Скорость и в 300 км за сутки была в то время, видимо, обычным явлением: В "Периле обитаемого моря" говорится о суточном пути из Крита в Киренаику как об обычном рейсе⁸; по словам Плиния, рейс из Ближней Испании в Остию (близ Рима) занимал четыре дня⁹.

Рассказ Аппиана о римском посольстве к Ганнибалу и в Карфаген в некоторых деталях близок Ливию: посольство отправлено по просьбе сагунтинцев с началом осады (App. Hisp. 2.11.), не принято Ганнибалом, в Карфагене получает вызывающий ответ. Но у Аппиана послы возвращаются в Рим не «почти одновременно» с падением Сагунта (как у Ливия), а несколько раньше, вероятно, в середине или конце лета 219 г. Аппиан отмечает: «Когда ответ, полученный от карфагенян, был сообщен в Рим, то одни требовали немедленно помочь сагунтинцам как союзникам (οἱ μὲν ἐκέλευον ἤδη συμμαχεῖν τοῖς Ζακανθαίοις), другие же удерживали от этого (οἱ δ' ἐπεῖχον ἔτι), говоря, что в договоре они не значатся их союзниками, а записаны как автономные и свободные (λέγοντες οὐ συμμαχοῦς αὐτοὺς ἐν ταῖς συνθήκαις σφῶν ἀλλ' αὐτονόμους καὶ ἐλευθέρους ἀναγεγράφθαι), свободными они остаются и тогда, когда находятся в осаде (ἐλευθέρους δ' ἔτι καὶ τοὺς πολιορκουμένους εἶναι). Это мнение одержало верх' (καὶ ἐκράτησεν ἡ γυῖσις — App. Hisp. 2.11).

Здесь под договором (συνθήκαι) подразумевается так называемый Гасдрубалов договор¹⁰, заключенный между римлянами и карфагенским главнокомандующим в Иберии Гасдрубалом в 226 г.¹¹

⁷ У Ливия осада Сагунта протекает при консулах Т. Семпронии Лонге и П. Корнелии Сципионе (Liv. 21.6.3), т.е. не в 219, а в 218 г. Это искажение хронологии было очевидно и для самого Ливия (21. 15. 3—6).

⁸ Ps.-Scylac. 47 (ВДИ. 1988. № 1. С. 259).

⁹ Plin.NH. 19. 1. 4. У Плиния речь идет, вероятно, о четырех сутках, ибо плавание едва ли прекращалось ночью.

¹⁰ У Аппиана в изложении Гасдрубалова договора: Ζακανθαίοις... αὐτονόμους καὶ ἐλευθέρους εἶναι (Hisp. 2.7.).

¹¹ Между осенью 226 г. и весной 225 г. (De Sanctis G. Storia dei Romani. III, I. Firenze, 1967. P. 400. Not. 62).

По этому договору река Ибер (Эбро) признавалась границей не только карфагенской военной экспансии (как трактуется этот договор Полибием)¹², но, надо полагать, и для римской (Liv. 21.2.7; App. Hisp. 2.7), поскольку римляне договаривались с Гасдрубалом в крайне неблагоприятной для них обстановке¹³ и не могли не взять и на себя ограничивающее обязательство.

Оговорка в этом договоре относительно свободы и независимости Сагунта (Liv. 21.2.7: *Saguntinisque... libertas servaretur*; App. Hisp. 2.7: *Ἐλευθερίας... αὐτονομίας καὶ ἐλευθέρους εἶναι*) является, по-видимому, изобретением Валерия Анциата (попавшим к Аппиану от Ливия) и признана недостоверной многими исследователями¹⁴.

Эта оговорка, будто бы содержащаяся в Гасдрубаловом договоре (не говоря уже о некоторых географических неточностях)¹⁵, привнесла в рассказ Аппиана некоторую несообразность: из сообщения Аппиана вытекает, что попытки Ганнибала лишить Сагунт его свободы и независимости (осада города) не расценивалась римлянами как нарушение Гасдрубалова договора, хотя именно этим договором (по Аппиану) и гарантировались Сагунту его свобода и независимость.

Однако в главном — в определении причины неоказания римлянами помощи Сагунту — версия Аппиана выглядит убедительнее других источников¹⁶. Как явствует из рассказа Аппиана, в споре по вопросу о Сагунте верх одержали не сторонники союзнических отношений с Сагунтом, а их противники, стоявшие за соблюдение Гасдрубалова договора как последнего слова в римско-карфагенских договорных отношениях, т.е. за признание права карфагенян на расположенный в зоне их экспансии Сагунт.

Это произошло, вероятно, потому, что вопрос о поддержке Сагунта (т.е. о войне с Карфагеном) был решен не в сенате, а в народном собрании — центуриатных комициях¹⁷. К тому времени они были уже реформированы¹⁸, причем в демократическом духе¹⁹. Если раньше решение

¹² Polyb. 2.13.7; 3.27.9; 29. 3; 30.3.

¹³ Римлянам грозило вторжение кельтов (Polyb. 2.13.5.), и они, нуждаясь в нейтралитете Гасдрубала (Polyb. 2.22.11), старались «умиротворить и улагодворить» его (Polyb. 2.13.6: *καταψήσαντες καὶ κραδῶντες τὸν Ἀσδρούβαν*).

¹⁴ Egelhaaf G. *Analekten zur Geschichte des Zweiten Punischen Krieges* // *Historische Zeitschrift*. 1885. 53. S. 432. Anm. 2; S. 435; Huss W. *Geschichte der Karthaginer*. München, 1985. S. 289; Mazzarino S. *Introduzione alle guerre puniche*. Catania, 1947. P. 129—131; Klotz A. *Appian's Darstellung des Zweiten Punischen Krieges* // *Studien zur Geschichte und Kultur des Altertums*. Bd 20. Paderborn, 1936. S. 13; Täubler E. *Die Vorgeschichte des Zweiten Punischen Krieges*. B., 1921. S. 96, 106; Meyer Ed. *Kleine Schriften*. II. Halle, 1924. S. 341, 350; Hoffmann W. *Livius und der Zweite Punische Krieg*. B., 1942. S. 19—20; *De Sanctis*. *Op. cit.* III. 1. P. 429.

¹⁵ У Аппиана (Hisp. 2.7; Hannib. 1.3; Pun. 2.6) Сагунт расположен севернее Эбро.

¹⁶ О трактовке сагунтинских событий у Полибия и Ливия упоминалось выше. Сообщение Кассия Диона (Зонары) во многом близко изложению Ливия. Но если у Ливия сагунтинцы Риму *socii*, то Зонара называет сагунтинцев не *σύνταχοι* а *περίοικοι* (Dio. Fr. 52; Zon. 8.21). Время возвращения послов в Рим у Диона не уточнено, дебаты же в сенате по вопросу о военных действиях против карфагенян происходят не до падения Сагунта (как у Ливия), а после (Dio Fr. 55; Zon. 8.22. 9—26). У Силия Италика (I. 691—694) римское посольство, отправленное к Ганнибалу и не принятое им (Sil.Ital. II. 1—21), отправилось в Карфаген и там объявило войну (Sil. Ital. II 380—389). Падение Сагунта последовало уже после этого (Sil. Ital. II. 457—707). Силий Италик создавал не столько историческое, сколько художественное произведение и воспользовался своим правом на вымысел.

¹⁷ После завоевания Римом долины р. По в результате войны с кельтами 225—222 гг. в сенате должна была неизбежно ослабнуть позиция приверженцев территориальных приобретений внутри Италии, а позиция сторонников антикарфагенского курса, стремящихся вытеснить карфагенян из Иберии, чтобы завладеть находящимися там золотыми и серебряными рудниками, — еще более окрепнуть, и представители такого курса не могли бы оказаться в меньшинстве в сенате при решении вопроса поддержки Сагунта против Карфагена.

¹⁸ Реформа комиций произошла, по-видимому, в 220 г., в цензорство Г. Фламиния и Л. Эмилия Павла (Mommson T. *Römisches Staatsrecht*. III. 1. Lpz, 1887. S. 270. Anm. 3).

¹⁹ Liv. I. 43.12.; *Dion. Hal.* 4.21.3.

комиций зависело от голосов 18 центурий всадников и 80 центурий первого имущественного класса, то после реформы комиций к голосованию допускались представители и менее зажиточных классов²⁰. Им новая война с Карфагеном могла принести только новое разорение. Поэтому политика сената в Иберии, в частности заключение провоцирующего карфагенянского союза с Сагунтом²¹, могла быть в народе только крайне непопулярна²². «Народ был мало склонен, — резюмировал историк В.Н. Пирогов решение центуриатных комиций, — начинать новую войну из-за малоизвестного ему Сагунта»²³. Мнение историка И.И. Вейцковского более категорично: «Народ и слышать не хотел о новой войне с Карфагеном из-за Сагунта»²⁴.

Если подавляющая часть италийского населения — мелкие и средние крестьяне — не хотели ввязываться в войну с Карфагеном до падения такого богатого и сильного союзника, каким был Сагунт, то еще меньше желания воевать с Карфагеном осталось бы у них после разгрома Сагунта. Если же римляне все же объявили Карфагену войну, о чем свидетельствует помимо упоминавшихся источников и Аппиан (Hisp. 3.13), то, очевидно, в ответ не на разгром Сагунта, а на гораздо более грозное для римлян событие — переход армией Ганнибала установленной Гасдрубаловым договором границы по р. Эбро и движение этой армии в Нарбонскую Галлию на соединение с кельтами.

Косвенные тому подтверждения можно обнаружить у Полибия и Ливия. Как выясняется из сообщения Полибия, на встрече с карфагенскими властями римского посольства, требовавшего выдачи Ганнибала, речь зашла о Гасдрубаловом договоре (хотя в нем Сагунт и не упоминался)²⁵ как о нарушенном карфагенской стороной: карфагеняне «уклонялись от обсуждения Гасдрубалова договора, считая его как бы не существующим, или, если и существующим, то не касающимся их, поскольку заключен был без их одобрения»²⁶.

То же и у Ливия: одним из соображений, по которому было решено отправить в Карфаген ультимативное посольство с объявлением войны, был переход карфагенскими войсками Эбро²⁷; на встрече с этим посоль-

²⁰ Sumner G.V. Aspects of the History of Comitia Centuriata // Athenaeum. Pavia, 1962. 40. № 1—2. 79, 80.

²¹ Как сообщает Полибий, союзнические отношения с Сагунтом римляне установили не раньше момента заключения Гасдрубалова договора (226/225 г.), так как занятия делами в Иберии римляне могли лишь избавившись от кельтской угрозы (Polyb. 2. 22. 9—11), вызванной вытеснением сенонов из Пицена и его разделом (232 г., Polyb. 2. 21. 7), а для устранения этой угрозы надо было первоначально заручиться договором с Гасдрубалом (Polyb. 2. 13. 6). Как установленный позже Гасдрубалова договора (возможно, на исходе 225 г., после крупной победы римлян над кельтами у Теламона), римско-сагунтинский союз являлся нарушением если не буквы, то духа и смысла Гасдрубалова договора.

²² Обвинение против нобилей в том, что они давно стремились к войне с Ганнибалом и в конце концов привели его в Италию, выдвинутое Кв. Бебнем Гереннием (Liv. 22. 34. 4—7; см. также Plut. Fab. 8), было, по-видимому, широко распространенным среди плебса мнением.

²³ Пирогов В.Н. Исследования по римской истории преимущественно в области третьей декады Ливия. СПб., 1878. С. 125.

²⁴ Вейцковский И.И. Зовнішня політика країн Західного Середземномор'я в 264—202 р. Львів, 1969. С. 135.

²⁵ У Полибия указывается, что в Гасдрубаловом договоре упоминается только р. Ибер (Эбро) как предел, который карфагеняне не должны преступать ἐπὶ ποταμῷ. Об остальной же Иберии (т.е. и о Сагунте) в договоре умалчивалось (την... ἄλλην Ἰβηρίαν παρασιώπων — Polyb. 2.13.7).

²⁶ Polyb. 3.21.1: τὰς μὲν οὖν πρὸς Ἀσδρούβαν ὁμολογίας παρεσιώπων, ὡς οὐτε γεγενημένας, εἴ τε γεγόνασιν οὐδὲν οὐσας πρὸς αὐτοὺς διὰ τὸ χωρὶς τῆς σφετέρας πεπράχθαι γνώμης. См. также Polyb. 3. 29. 2.

²⁷ Liv. 21. 16. 5: Poenum... recentem ab excidio opulentissimae urbis Hiberum transire — «Пуниец... воодушевленный разгромом богатейшего города, уже переправляется через Ибер».

ством карфагеняне не признают обязательным для себя соблюдение Гасдрубалова договора и предлагают римским послам «перестать ссылаться на Сагунт и Ибер»²⁸.

Такие ссылки на Ибер могли быть уместны лишь после перехода Ганнибалом р. Эбро. Этот переход произошел, очевидно, лишь в июне 218 г.²⁹ Поэтому именно этот переход, а не случившийся за полгода до него разгром Сагунта мог быть и главным предметом переговоров, и главным поводом к объявлению войны. Если у Полибия в 30-й главе третьей книги причиной войны назван Сагунт (Polyb. 3. 30. 3), а о переходе карфагенянами Эбро лишь упоминается, то объясняется это случайным пропуском в тексте³⁰, поскольку раньше, в 6-й главе, Полибий называет переход Эбро одной из причин войны (помимо разгрома Сагунта)³¹.

О Сагунте на переговорах в Карфагене речь зашла лишь потому, что карфагенское правительство не признавало для себя обязательным Гасдрубалов договор и тогда римляне обвинили их в нарушении другого, признаваемого карфагенянами, Лутациева договора от 241 г., согласно которому римские союзники (а следовательно, и Сагунт) были неприкосновенны для карфагенян, а карфагенские союзники — для римлян (Polyb. 3. 27. 4; Liv. 21. 18. 8). Но карфагеняне отклоняли и это обвинение на том основании, что в тексте Лутациева договора Сагунт в перечне римских союзников не значился (Polyb. 3. 27. 3—5; 29. 4; Liv. 21. 19. 4).

Вероятнее всего, римляне решили пожертвовать Сагунтом в надежде, что захватив богатейший в Иберии, расположенный в плодороднейшей местности город³², Ганнибал удовлетворится этим и не выйдет за рубеж по Эбро, тем более что в пределах Пиренейского полуострова еще оставались богатые районы, не завоеванные карфагенянами³³.

Но сама эта римская политика, должно быть, и подтолкнула Ганнибала к войне. Она вызвала к тому же, по-видимому, широкий и неблагоприятный для римского престижа резонанс: у Ливия сохранилось упоминание о том, что даже в отдаленных районах Северо-Западного Средиземноморья римская политика по отношению к союзному Сагунту была известна и заклеяна как вероломная (Liv. 21. 19). Возможно, уже первый римский историк Кв. Фабий Пиктор, участник Ганнибаловой войны, писавший свой труд на греческом языке, но в патриотическом духе, считал необходимым римскую политику в отношении Сагунта по возможности завуалировать. В этом направлении, вероятно, следовал и Полибий, грек по происхождению, но романофил, писавший свою «Всеобщую историю» как раз перед третьей Пунической войной и не склонный поэтому знакомить своих читателей с некоторыми неприглядными, с его точки зрения, сторонами римской политики.

По этой причине у авторов, в конечном итоге восходящих к Фабию и Полибию (исключая Аппиана, источники которого полностью не выяснены),

²⁸ Liv. 21. 18. 11—12: Si vos non tenent foedera vestra nisi ex auctoritate aut iussu vestro icta, ne nos quidem Hasdrubalis foedus, quod nobis insciis fecit, obligare potuit. Proinde omittite Sagunti atque Hiberi mentionem facere...

²⁹ Ганнибал начал поход в Италию с наступлением лета (Polyb. 5. 1. 3), т.е., вероятно, в начале июня 218 г., так как поход длился пять месяцев (Polyb. 3. 56. 3; Liv. 21. 15. 3; 38. 1), а закончился приблизительно с заходом Плеяд (Polyb. 3. 54. 1), который в то время приходился на вторую неделю ноября (Plin. NH 2. 47. 125; 18. 74.313).

³⁰ Hesselbarth H. Historisch-kritische Untersuchungen zur dritten Dekade des Livius. Halle, 1889. S. 9.

³¹ Polyb. 3. 6. 2... τὴν διάβασιν αὐτῶν παρὰ τὰς συνθήκας τοῦ Ἰβήρου ποταμοῦ.

³² Polyb. 3. 17. 3; Liv. 21. 7. 2; App. Hisp. 2. 12; Plin. NH. 15.72.

³³ Лузитания, которая, согласно описанию Страбона (3. 3. 3), занимала районы современной Португалии и изобиловала золотом и серебром, белым золотом (платиной), оловом (Strabo. 3. 2. 9; 3. 3. 5), не была завоевана Баркидами.

осталось без упоминания решение комиций не воевать с Карфагеном из-за Сагунта (лето 219 г.), а решение комиций воевать с Карфагеном по поводу перехода Ганнибалом установленной договором границы по Эбро (лето 218 г.) подается как справедливая реакция римлян на падение союзника Сагунта.

O.S. Orzhekhovskiy

ON THE «PRE-HISTORY» OF THE SECOND PUNIC WAR

O.S. Orzhekhovsky

The Romans declared war on Carthage (the Second Punic War) a whole year after Hannibal had opened hostilities against them (siege of Saguntum). Taking into consideration the evidence of Appian, we can explain this delay by the desire of the Roman *comitia* to avoid war with Carthage for Saguntum in summer of 219 B.C.